

Встрѣча.

(Изъ воспоминаній портъ-артурца).

Было далеко за полночь. Холодная промозглая петербургская ночь давала себя чувствовать. Порывистый вѣтеръ, врывающійся въ прямыя линіи улицъ Васильевскаго острова, ударялъ въ вывѣски, окна и налеталъ на прохожихъ. Мигающія звѣздочки, переливаясь, смотрѣли на запоздалыхъ пѣшеходовъ, унылыхъ, какъ эта ночь, и дразнили ихъ своимъ блескомъ. Фабіанъ Ѳедоровичъ только-что покинулъ своихъ друзей. Очувившись среди теми и пронизывающаго до костей холода, онъ закутался въ свою шубу и быстро зашагалъ по переулку, гдѣ фонари бросали свѣтъ возлѣ себя. Идя по темному переулку, онъ только теперь могъ свободно, не горячась, обсудить неправильность ходовъ послѣдняго робера, гдѣ онъ на маломъ шлемѣ остался безъ трехъ. Страстный любитель винта и довольно порядочный игрокъ онъ долго не могъ простить себѣ своей ошибки, за что, конечно, поплатился деньгами,—играли по крупной. Чтобы сократить путь, мой пріятель повернулъ налѣво. Поворачивая за уголъ, онъ наткнулся на извозчика, который, сидя на козлахъ и опустивши голову, какъ бы дремалъ, а вся его съезжившаяся фигура казалась въ темнотѣ какимъ-то чернымъ комомъ. Но извозчикъ не дремалъ и могъ ли онъ въ такую страшную ночь дремать, когда она ему напомнила прошлое и передъ нимъ воскресли картины боя и человѣческія страданія. Та ночь была такая же темная, также бушевалъ порывистый холодный вѣтеръ...

Извозчикъ, сидя на пролеткѣ, переживалъ прошлое такъ реально, такъ живо, что ему казалось, что онъ въ окопѣ, а не на козлахъ и въ рукахъ у него не возжи, а винтовка, а тощая лошаденка, которая довольна продолжительной остановкой—его

врагомъ, которому онъ всадилъ въ животъ штыкъ и всей грудью навалился на японца, стараясь по самую шейку штыка вогнать его въ безусаго мальчишку, еще мало познавшего жизнь, но полного сознанія ради блага страны жертвовать ею. Лошаденка отъ холода вдрогнула, извозчикъ натянулъ возжи и съ такимъ остервенѣніемъ, какъ будто онъ вытащилъ окровавленный штыкъ изъ трепетавшей жертвы, которая грохнулась, выпускающая изъ рукъ винтовку...

— Много въ эту ночь я взялъ на свою душу грѣха... Господи прости... зашептали уста, сидящаго на козлахъ и онъ чуть не свалился.

— Извозчикъ, на Лиговку!

— Пожалуйста, баринъ,—очнувшись отъ своихъ мыслей и весь встрепенувшись, сказалъ извозчикъ.

— Сколько?

— Пожалуйста, дорого не возьмемъ!

Фабіанъ Ѳедоровичъ сѣлъ. Закутавшись еще плотнѣе, онъ теперь, кромѣ согнувшейся фигуры извозчика, ничего не видѣлъ.

Проѣхавъ темный переулочекъ и выѣхавъ на четвертую линію, извозчикъ, время отъ времени, сталъ поворачиваться въ повороты къ моему пріятелю, какъ бы желая его вызвать на разговоръ. Но Фабіанъ Ѳедоровичъ упорно не желалъ обращать вниманія на его полуобороты и согнувшуюся фигуру.

— Холодно, баринъ,—не вытерпѣлъ и какъ бы жалѣя подняго сѣдока, спросилъ извозчикъ.

Моему другу не хотѣлось отвѣчать: „Перекинься словомъ, и разговоръ начнется, наши извозчики любители съ запоздалыми сѣдоками разговаривать“,—подумалъ мой пріятель.

— Эхъ, баринъ, не унимался извозчикъ,—вы вотъ штатскій. Вамъ сегодняшняя ночь, что вчерашняя, все единая и не понятная. Я до васъ часа два стражалься, не то чтобы стражалься, а такъ переживалъ значить, вспоминалъ страшныя минуты. Сидя вотъ на эфтихъ козлахъ, мнѣ казалось, что я въ страженіи. Ночь была точь въ точь такая же: вѣтеръ вылъ, кругомъ гудѣли орудія, стонали и умирали солдатишки, и у меня отъ эфтова душа ныла, вырывалась наружу, а сердце раздирало на куски, ну словно внутрѣ у меня окопъ былъ, вотъ и теперь то же самое...

— Я, баринъ, въ Портъ-Артурѣ былъ.

При послѣднемъ словѣ мой пріятель привскочилъ, насторожился, и эта ночь теперь встала передъ нимъ, словно вчерашній день. Человѣкъ на козлахъ всколыхнулъ прошлое, потревожилъ

еще не зажившія гноящіяся раны и заставилъ каждое слово извозчика, пережившаго осаду, сналету хватать.

— Десять дней насъ японцы засыпали снарядами,—продолжалъ онъ,—сегодняшнюю ночь полѣзли на насъ цѣлыми колоннами. Что было, не приведи Богъ...

— Въ какомъ же ты полку былъ?—сгорая отъ любопытства и нетерпѣнія, спросилъ мой пріятель и, заставъ дыханіе, впился въ его фигуру, ожидая отвѣта.

— Я-то!?—переспросилъ извозчикъ и добавилъ.—Да вамъ-то, баринъ, не все ли равно? Вы штатскій, въ полкахъ не разберетесь. Былъ въ Портъ-Артуръ и все,—закончилъ съ ноткой гордости и раздраженія извозчикъ, а затѣмъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ.—Нашъ полкъ что ни есть въ самомъ пеклѣ былъ, на сѣверо-восточномъ фронтѣ, подъ Орлинымъ Грѣвдомъ. Въ аду, я думаю, мнѣ будетъ легче, чѣмъ тамъ было. Эти самые косоглазые лѣзля, словно муравьи, и откуда только они брались...

Умолкъ извозчикъ, и погрузился въ мысли не столь отрадныя, мой другъ. Дѣйствительно, что какъ не прошлое тяжелое, можетъ больнѣе встревожить людей, сильнѣе ударить ихъ по сердцу и заставить снова переживать. Такъ было и съ этими двумя затерявшимися, между громадинъ петербургскихъ домовъ, страдальцами, и еще не отраднѣе имъ было, когда сдача явилась темнымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ лѣтописи героизма.

— Такими колоннами шли—началъ онъ послѣ минутной остановки,—что всѣ пригорки, лоцинки, покрыли своими тѣлами: нашъ 14-й полкъ работалъ на славу...

„Не ослышался ли я, не сонъ ли это“, мелькнула мысль у моего пріятеля. „Нашъ 14-й полкъ...“

Цифра 14, словно электрическій токъ, заставила его подняться и слегка выпрямиться. „Нѣтъ, это не сонъ. Вотъ Исаакіевскій соборъ, вотъ Морская. Поворотъ направо и ровная полоска огней Невскаго...“

— Въ какой же ты ротѣ былъ? волнуясь, съ дрожью въ голосѣ, спросилъ Фабіанъ Федоровичъ, и тамъ, гдѣ-то глубоко у него начало стучать, онъ ясно слышитъ удары сердца, чувствуетъ, что къ вискамъ приливаетъ кровь и голова становится тяжелѣе. Еще моментъ, и онъ свалился бы съ пролетки, но высокая фигура на козлахъ съ презрѣніемъ бросила фразу:

— Штатскій вы, баринъ, чай въ ротахъ-то тоже мало смыслите?—въ 3-й ротѣ, по счету отъ первой, былъ я. Всю осаду пробылъ при ней. Три раза былъ раненъ. Одинъ разъ въ жи-

вотъ—затянуло, другой въ ногу, третій разъ въ руку, это легкая рана, пальцы не много скрючило, но ничего, возжи и кнутъ держать могу, а вотъ тяжелое поднимать не въ силахъ, изъ руки такъ и валится, словно кто ударяетъ по ней. Совсѣмъ безсильная стала. Эхъ, штатскій вы баринъ,—добавилъ онъ, стегая лошаденку,—кабы военный, поняли бы все. Вотъ вы вѣрно на меня за эфто обижаетесь, коли молчите, право, я... Вотъ примѣрно теперь про себя сказать. Вѣжу я по петербургскимъ улицамъ, сижу на козлахъ, а кто знаетъ, что я артурецъ? Никто. Да оно и лучше. Съ вами разговорился потому, что очень мнѣ тяжело, эта ночь напомнила все, взбередила всю душу.

Фабіанъ Федоровичъ весь погрузился въ прошлое. Мысль одна за другой летѣла, картина смѣняла картину, и въ то же время онъ боялся проронить хотя бы одно слово наболѣвшей души извозчика, онъ далъ волю ему высказаться, онъ его понималъ, и этотъ человѣкъ на козлахъ былъ ему теперь роднымъ, но ему хотѣлось знать изъ устъ сѣраго мужичка про полкъ и его мнѣніе безхитростное, откровенное дороже боевыхъ реляцій.

— Кто же у тебя былъ командиръ полка?

— Командиръ-то!? Генераль Савицкій,—царствіе ему небесное,—умеръ здѣсь, въ Питерѣ. Такой былъ... бывало какъ закричить на ученіи, такъ стѣны дрожать, а не только мы. А въ бою и не говоря—храбрецъ... Былъ августовскій штурмъ, самъ батальонъ повелъ въ штыки, хватила его пуля, но батарею-то заредутную, взяли, японцевъ всѣхъ докончили. Ротнымъ моимъ былъ сначала капитанъ Ушаковъ, а затѣмъ все смѣнялись, убывали, значить. Мѣсяца за два до сдачи нашу роту принялъ—упокой его душу, Царство ему небесное. При этихъ словахъ извозчикъ снялъ шапку, встряхнулъ головой и, перекрестившись, продолжалъ,—поручикъ М—скій, хорошій былъ человѣкъ, отецъ, а не командиръ...

Невскій проспектъ, съ вереницей огней, домами, пѣшеходами, потемнѣлъ въ глазахъ моего друга. Чувства радости наполнили его сердце. Къ горлу подступили спазмы, дышать стало тяжело, и слезы мѣшали видѣть окружающее. Онъ слышитъ свою фамилію, онъ слышитъ... гулъ снарядовъ, стоны раненыхъ, предсмертные хрипы умирающихъ... слегка откинувшись въ глубь пролетки онъ замеръ... При поворотѣ на Лиговку налетѣвшій холодный вѣтеръ заставилъ моего друга очнуться, и онъ слышитъ:

— Съ самаго утра японцы засыпали насъ, отъ дыму и пыли

почитай было такъ, какъ бы вотъ теперь, энъ вонъ тамъ, въ томъ переулкѣ—ничего не видно. Поручикъ М—скій, значить, бѣгаетъ между нами, подбодряетъ насъ... Дальше извозчикъ не могъ продолжать, замолкъ.

Вся картина этого дня и ночи воскресла передъ моимъ другомъ, и сидящій на козлахъ казался ему теперь тѣнью прошлаго величія, а настоящее: осталась затерянность въ массѣ людей чуждыхъ воспринимать и цѣнить страданія пережившихъ кровавую эпопею и страшные дни, минуты нечеловѣческихъ мукъ сѣрыхъ людей.

— Бѣжить это онъ около меня, какъ ахнетъ снарядъ, такъ онъ, „Царство ему небесное“ и покатился. Я, значить, кричу: „Ротный, ротный убить“. Подлетѣли санитары, на носилки его и ходу, а что скажете, баринъ, мертваго-то поднимешь, спасешь его,—снарядъ-то онъ какой... Только-что его унесли, какъ хлынуть японцы, и пошла работа... сразу они фельдфебеля положили, ввводнаго, насъ осталось горсточка. Вотъ тутъ то мы, значить, остервенимшись, и наложили же ихъ... Что же, баринъ, вы молчите-то; чай, Лиговка-то кончается? Номеръ-то какой?

Дѣйствительно, Лиговка кончилась. Пришлось повернуть обратно. Эти страшныя минуты, пережившія эти чудныя, искреннія слова извозчика, заставили моего друга забыть и улицу, и домъ, и все.

— А что, если я тебѣ скажу, что твой ротный живъ?

Фигура на козлахъ вся перевернулась, сверкнула глазами, а затѣмъ все лицо расплылось въ улыбку, и небольшая черная бородка затряслась.

— Хе... хе... хе... шутникъ вы, баринъ, право слово, шутникъ!

— Ну, а если ты своего ротнаго везешь?

— Съ нами крестная сила, какъ же такъ, я мертваго-то съ того свѣта везу, чай, еще я въ своемъ умѣ. Какъ ихъ убили, девятый годъ пошелъ. Что дурака-то изъ меня строить, да и покойника тревожить, „Царство ему небесное“. Извозчикъ не на шутку разсердился и теперь отчаянно нахлестывалъ лошаденку. Съ вами, опять забылъ, какой номеръ дома-то?

— А ты узналъ бы своего ротнаго, если онъ сейчасъ бы явился тебѣ?... и не ожидая отвѣта мой другъ у фонаря добавляетъ, повернувъ свое лицо на свѣтъ.—Ты посмотри хорошенько на меня, взглядишь въ мое лицо.

Фигура опускаетъ возжи и быстро поворачивается. Лошаденка, почувствовавъ свободу, поплелась шагомъ.

— Баринъ, вотъ что я вамъ скажу... шутить надъ покойникомъ грѣшно, а надъ собой смѣяться въ такую ночь я не позволю. Хотя вы и баринъ, но... Затѣмъ, немного смягчивъ гнѣвъ и голосъ, онъ продолжалъ.—Тотъ былъ офицеръ, а вы стрюцкій, куда вамъ до него. Одно могу сказать, Богъ накажетъ васъ за такія шутки... Но! встала!.. Какой номеръ-то? Извозчикъ дернулъ возжами лошаденку, та куда-то шарахнулась въ сторону. онъ ее съ озлобленіемъ стегнулъ концами возжей, несчастная затрусилла по булыжникамъ Лиговки.

— Ну теперь, голубчикъ мой, слушай, я стану тебѣ рассказывать.

Мой другъ коротко передалъ нѣкоторыя подробности позиціи, боя, назвалъ нѣкоторыхъ своихъ подчиненныхъ по фамиліямъ. На каждое слово сѣдока извозчикъ отвѣчалъ: „вѣрно, правильно, вѣрно!“ Но чтобы окончательно мой другъ убѣдилъ извозчика, что онъ везетъ своего ротнаго М.—скаго, опредѣлить по его фізіономіи было нельзя. Слишкомъ сдержанъ былъ извозчикъ и не проявлялъ еще довѣрія къ словамъ своего сѣдока. Онъ былъ обезкураженъ и, что называется, застигнутъ врасплохъ. И только когда остановились у дома, гдѣ свѣтъ фонаря бросалъ лучи на лицо моего друга, у извозчика разсѣялось сомнѣніе, онъ соскочилъ съ козелъ, и два артурца молча бросились въ объятія другъ друга, и свидѣтелемъ ихъ братскихъ поцѣлуевъ была лошаденка, которая, понуря голову, смотрѣла въ сторону двухъ обнявшихся и, вѣроятно, недоумѣвала, по какому случаю хозяинъ обнимается съ баринномъ.

— Такъ вы живы, ваше... могъ только выговорить извозчикъ, и слезы радости хлынули изъ его глазъ по морщинистымъ щекамъ незамѣтнаго героя-артурца.

Г. Артуровъ.

